

ОБРАЗ ЛЕВИЯ МАТВЕЯ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА
"МАСТЕР И МАРГАРИТА"

А. Заварзин

За сравнительно небольшое время, прошедшее после появления в печати романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита", опубликовано большое количество работ, посвященных различным аспектам исследования этого произведения, но об образе Левия Матвея в романе написано немного. Исследователей привлекают в первую очередь заглавные герои -- Мастер и Маргарита, а также фигуры Воланда и Иешуа. В тексте романа Левию Матвею отведено довольно скромное по объему место, но этот образ несет большую смысловую и функциональную нагрузку. Левий Матвей связан в романе почти со всеми основными героями: он ученик Иешуа, он встречается с Пилатом и Воландом, он близок Маргарите, которая вспоминает его в самые тяжелые минуты своей жизни, и сам Левий просит за Маргариту Воланда, кроме того, Левия многое объединяет с Иваном Бездомным-Поныревым, которого Мастер называет своим учеником. Левий Матвей -- единственный герой романа /не считая, конечно, Иешуа/, о котором мы узнаем, что он заслужил "свет". Его посмертная судьба сопоставляется с судьбой Мастера и Пилата. Левий Матвей встречается с Воландом, и к Левию обращены слова Воланда о необходимости существования зла и теней. Рядом с Левием по-новому раскрывается фигура Воланда -- одна из самых сложных в романе. С образом Левия Матвея тесно связана проблема соотношения "древних" глав, которые являются как бы романом в романе, и текста канонического источника -- Нового Завета. Левий не только один из героев романа, имеющих евангельский прототип, он в романе автор записей об Иешуа, которые соотносятся с Евангелием от Матфея. Мы попытаемся кратко рассмотреть некоторые из перечисленных проблем.

При описании героев, имеющих прототипы в Новом Завете, Булгаков отталкивается не только от текста Нового Завета, но и от традиции изображения этих личностей, сложившейся в Церкви, т.е. от лика, иконы в широком смысле слова. Так, при изображении внешности евангельских персонажей, Булгаков явно полемизирует с традиционным изображением их в иконописи. При описании внешности Левия Матвея постоянно подчеркивается его неблагообразность. У него "гноящиеся от солнца и бессонницы глаза", на нем "истасканный в скитаниях, из голубого превратившийся в грязно-серый, таллиф, по его груди стекал "грязный пот"¹.

Когда Левий предстает перед прокуратором, тот видит, что "на балкон вступил неизвестный маленький и тощий человек... Пришедший человек, лет под сорок, был черен, покрыт засохшей грязью, смотрел по-волчьи, исподлобья"². Таким видит Левия Матвея и Воланд: "Из стены вышел оборванный, выпачканный в глине мрачный человек в хитоне, в самодельных сандалях, чернобородый"³. Следует отметить, что к Воланду Левий Матвей приходит "из света", и то, что внешность его никак не изменяется, говорит о том, что внешность Левия имеет очень важное значение и говорит о внутренней сущности этого героя. Также подчеркивается в романе и внешнее неблагообразие Иешуа.

Внешности Левия Матвея и Иешуа противопоставляется в романе внешность Иуды из Кириафа -- единственного внешне красивого персонажа романа, имеющего прототип в Евангелии. Интересно, что Пилат представляет себе Иуду таким, как его принято изображать в живописи -- стариком. "Ах, жадный старик из Кириафа, -- улыбаясь заметил прокуратор, ведь он старик?"⁴. Аффраний сообщает Пилату, что Иуда молодой человек и "очень красив". Лицо убитого Иуды представилось смотрящему "каким-то одухотворенно красивым"⁵, т.е. таким, каким принято изображать на иконах лики святых. Таким образом, внешность героев романа после-

довательно противопоставляется их традиционным изображениям. Во внешности Матвея особенно выделяется взгляд /он смотрит "исподлобья", "по-волчьи", у него "гноящиеся глаза" и т.д./ и одежда. Это -- прямое противопоставление спокойному и ясному взгляду Святых на иконах и их сияющим ризам.

Вразрез с традиционными представлениями идет и отношение Иешуа к Левию. Слова Иешуа "Эти хорошие люди /.../ ничему не учились и все перепутали, что я говорил"⁶ относятся прежде всего к Левию Матвею. Пилат также замечает, что Левий неверно понял учение Иешуа. Он говорит Матвею: "Ты, я знаю, считаешь себя учеником Иешуа, но я тебе скажу, что ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил"⁷. Невежество Левия подчеркивается в течение всего романа. Воланд дважды говорит Левию: "Ты глуп"⁸.

Таким образом, ни внешность Левия Матвея, ни его отношения с учителем не соответствуют каноническим представлениям об Апостоле и Евангелисте Матфее. Тем не менее в конце романа мы узнаем, что Левий -- единственный герой романа, который заслужил свет. Лесскис объясняет это силой веры Матвея. "Левий не то, чтобы усвоил истину Иешуа /сам Иешуа сказал ведь, что Левий записывает совсем не то, что говорит учитель, не намеренно, конечно, а по неразумению/, Левий поверил непреложно, что сам Иешуа -- это и есть Истина. И сила его веры такова, что ему прощается и богохульство, и намерение убить Иешуа, чтобы избавить его от страданий, убить себя, убить Иуду, и в мире трансцендентном Левий получил вечное бытие в качестве единственного признанного ученика Иешуа /см. гл. 29/⁹. При описании внешности Левия Матвея в романе подчеркивается то, что он похож на нищего. Наиболее подробное описание внешности Левия дано в главе "Погребение". Это описание заканчивается так: "Словом, он был очень непригляден и скорее всего походил на городского нищего, каких много толчется на террасах храма или на базарах шумного и грязного Нижнего Города"¹⁰. Здесь прямо говорится, что внешность Левия можно выразить одним словом, и

это слово --"нищий". В той же главе эпитет "нищий" по отношению к Левии повторяется еще раз. Пилат говорит ему: "... не-зачем тебе, одинокому, ходить в нищей одежде без пристанища"¹¹. Нищенство Матвея подчеркивается и в последней главе романа, когда Пилат, по словам Воланда "... утверждает, что охотно бы поменялся своею участк с оборванным бродягой Левием Матвеем"¹², причем нищета Левия упоминается здесь в связи с его посмертной участью. Многократно повторяющийся в романе мотив нищенства Левия Матвея, а также его невежество в сопоставлении с его посмертной участью вызывают сильную ассоциацию с первой Заповедью блаженства: "Блаженны нищие духом: яко тех есть Царство Небесное" /Мф. V, 3; Лк. VI, 20/. В отношении Матвея эта заповедь сбывается буквально, причем смысл "духовного нищенства" Левия раскрывается полностью лишь в конце романа, когда Левий приходит к Воланду посланцем из "света", т.е. из Царства Небесного.

Надо еще отметить, что нищенство Матвея добровольное. Он сам "бросил деньги на дорогу", заявив, что "отныне деньги ему стали ненавистны"¹³, а когда Пилат предложил ему разбирать и хранить папирусы в его библиотеке в Кесарии, Левий отказывается от благополучного существования и возможности стать образованным человеком. Таким образом, нищенство Матвея не является следствием случайного стечения обстоятельств.

Прямо отвергая каноническую традицию изображения Апостола Матфея, Булгаков скрыто вводит в роман евангельский мотив "нищих духом", который играет чрезвычайно важную роль в философско-религиозном плане романа. Левий Матвей в романе напоминает тех первохристиан, о которых Апостол Павел говорил: "Посмотрите, братья, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных. Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и не знатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить

значащее" /I Кор. I, 26--28/.

"Немудрому", "немоцному" и "незнатному" Левию Матвеем в романе противостоит пятый прокуратор Иудеи "сын короля звездочета, всадник Понтий Пилат". Между Левием Матвеем и Пилатом, несмотря на все их отличия, есть много общего. До встречи с Иешуа Левий Матвей, так же как Пилат, состоял на государственной службе -- был сборщиком податей, хотя, конечно, занимал несравнимо более низкое положение, чем Пилат. При первой встрече с Иешуа и Левий Матвей и Пилат поначалу относятся к нему неприязненно. Левий называет Иешуа "собакой", а прокуратор "лжецом" и "разбойником"¹⁴. После беседы с Иешуа Пилат, так же как Левий, изменяет свое отношение к нему. Иешуа рассказывает о Матвее: "... однако, послушав меня, но стал смягчаться, /.../ наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мною путешествовать..."¹⁵. Пилат, после того как Иешуа излечил его от гемикрании, также проникается симпатией к "бродячему философу". Однако у прокуратора, в отличие от Левия, не хватает смелости на такой же решительный шаг, хотя Иешуа и предлагает ему сделать практически то же самое, что сделал Матвей. Иешуа предлагает прокуратору "оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях"¹⁶, т.е. отправиться с ним путешествовать. Впоследствии прокуратор понимает, что он совершил непоправимую ошибку, и пытается ее исправить.

Во время казни и после нее Пилат делает то, что хотел бы сделать Левий, даже в их реакции на события есть много общего. После того, как Каифа отказался освободить Иешуа, Пилата охватила "самый страшный гнев, гнев бессилия"¹⁷. Левий Матвей, после неудачной попытки избавить своего учителя от страданий, "впал в ярость"¹⁸. Так же как Матвей с мучительным нетерпением ждет смерти Иешуа, прокуратор ждет известий о казни. Мысль убить Иешуа, чтобы избавить его от мучительной смерти, приходит и Пилату и Левию. Левию не удается пробиться сквозь цепь солдат, и Иешуа закололи копьем по приказу прокуратора. Нако-

нец, Пилат опережает Левия с убийством Иуды. Даже хлебный нож, которым Левий Матвей хотел зарезать Иешуа, оказывается в руках у Пилата: "Пилат поглядел на широкое лезвие, попробовал пальцем, остер ли нож, зачем-то"¹⁹. Своим действием Пилат пытается оправдаться перед своей совестью и перед Левием Матвеем. Прокуратор ищет встречи с Матвеем и всячески старается завоевать его расположение и получить прощение. Путь Левия является для Пилата путем, по которому он сам мог бы пойти, если бы у него хватило смелости. Таким образом, Левий Матвей является для Пилата воплощением его вины, и страдающий на безотрадной каменистой площадке от бессонницы Пилат любит повторять, что "... более всего в мире ненавидит свое бессмертие и неслыханную славу. Он утверждает, что он охотно бы поменялся своей участью с оборванным бродягой Левием Матвеем"²⁰.

В совпадении поведения Пилата и Левия во время и после казни есть и другой смысл. Действиями Пилата руководит чувство непоправимой вины, но и Левий Матвей хочет убить Иешуа и Иуду потому, что хочет исправить свою вину. Хотя формально Левий не виноват в смерти учителя, он чувствует, что в его смерти есть и его вина. Во время казни Левий обрушивает на себя поток самообвинений: "-- О, я глупец! -- бормотал он, раскачиваясь на камне в душевной боли и ногтями царапая смуглую грудь, -- глупец, неразумная женщина, трус! Падаль я, а не человек!"²¹. Чувство вины остается у Матвея и после смерти Иешуа, и чтобы хоть как-то облегчить его Левий и решает убить Иуду. Сознание личной ответственности и вины за смерть Иешуа, в которой объективно Левий совсем не виноват, приближает его сознание к христианскому. То, что автор "не дает" Левию Матвею совершить убийство /это делает Понтий Пилат/, говорит о том, что в смерти Иешуа действительно нет его вины. Это подтверждается и посмертной судьбой Левия.

Таким образом, Левий Матвей и Понтий Пилат тесно "взаимодействуют" в романе. Их связывает один из самых важных мотивов в романе -- мотив вины и возмездия.

В 29-ой главе описана встреча Левия Матвея с Воландом. В первых редакциях романа Левий Матвей не встречался с Воландом. М. Чудакова пишет: "14 мая 1939 года были внесены важные изменения в конец романа. В тексте, конченном год назад, 24 июня 1938 года, решение судьбы Мастера приносил "вестник в темном, который "что-то сказал Воланду". Теперь появился Левий Матвей и разговор его с Воландом, где произнесены были слова: "Он не заслужил света, он заслужил покой", составляющие до сих пор загадку для критиков"²². Не меньшую "загадку для критиков" составляет и фигура Воланда в романе, которая после встречи с Матвеем раскрывается с неожиданной стороны. При встрече с Левием Матвеем обычно царственно-невозмутимый Воланд выказывает явное раздражение и произносит целую речь в защиту зла и теней перед Левием, которого считает глупцом /"Ты глуп" дважды говорит он Матвею/.

Раздражение Воланда вызвали слова Левия Матвея "я не хочу, чтобы ты здравствовал". В ответ Воланд говорит:

"Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получают-ся от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывает тени от деревьев и живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп"²³.

Доводы Воланда логически безупречны, он доказывает Левию, что уничтожить зло можно, лишь уничтожив мир. Матвей ничего не отвечает Воланду, он только называет его "старым софистом", т.е. намекает на то, что логически безупречные доводы сатаны есть софизм -- формально кажущееся правильным, но ложное по существу умозаключение. Позиция Левия Матвея дана в контексте романа, где присутствует тема Апокалипсиса. Само употребление слова "свет" в романе вызывает ассоциации с Новым Иерусали-

мом, о котором пророчествовал св. Иоанн Богослов. В романе говорится, что Левий пришел из света, т.е. находится в свете. Св. Иоанн Богослов пишет о Новом Иерусалиме: "И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его -- Агнец. Спасенные народы будут ходить в свете его..." /Откр. XXI, 23, 24/. Таким образом, Левий Матвей, при жизни житель Ветхого Иерусалима, появляется из Нового Иерусалима. Картина, которую Воланд предлагает представить Левию Матвею, напоминает картину гибели мира в Апокалипсисе. В качестве примера Воланд указывает на тень от своей шпаги, но ранее говорится, что его шпага представляет из себя солнечные часы: "Его длинная и широкая шпага была воткнута между двумя растрескавшимися плитами, так что получились солнечные часы"²⁴. Указание на солнечные часы вызывает в данном контексте сильную ассоциацию с известным местом из Апокалипсиса, где говорится об уничтожении времени: "И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку к небу и клялся Живущим во веки веков /.../, что времени больше не будет" /Откр. X, 6/.

Воланд как бы пародирует учение о конце света и защищает мир от поборника добра Левия Матвея. В этом нет никакого противоречия, ведь Воланд -- "князь мира сего" и, естественно, заинтересован в сохранении своих владений.

При встрече с Левием Матвеем проявляется ограниченность Воланда, для которого "наслаждение голым светом" представляется просто глупостью. Пришедший из света Левий Матвей мог бы противопоставить доводам Воланда свой опыт, но для Воланда этот опыт не доступен. Ограниченность Воланда проявляется и в том, что он не понимает решения о посмертной судьбе Мастера. "А что же вы не берсте его к себе, в свет?"²⁵, -- спрашивает Воланд Матвея.

Говоря с самим Воландом так, "как будто он не признает теней, а также и зла", Левий Матвей во многом напоминает Ива-

на Бездомного, который на Патриарших прудах заявил самому дьяволу, что дьявола не существует. Интересно, что и реакция Воланда во многом сходна. Он "раздражился и крикнул сурово: -- Так, стало быть, так таки и нету?"²⁶. Позднее Воланд говорит Мастеру о Бездомном: "Он меня самого едва не свел с ума, доказывая мне, что меня нету!" Характерно, что после этого признания Воланд спрашивает Мастера: "Но вы-то верите, что это действительно я?"²⁷. Создается впечатление, что задача дьявола -- добиться у всех, с кем он встречается, признания своего существования. Берлиоза он также "страстно попросил: -- Но умоляю вас на прощание, поверьте хоть в то, что дьявол существует!"²⁸. Иван Бездомный, доказывая самому дьяволу, что того не существует, попадает в комичную ситуацию. Его взгляды противоречат реальности, с которой он столкнулся на Патриарших прудах, и это приводит его в сумасшедший дом, где он, наконец, вынужден примириться с этой реальностью.

Одна и та же тема повторяется в романе в пародийном и в "высоком" плане. При встрече Левия Матвея с Воландом речь также идет о существовании дьявола, но в этой ситуации нет ничего комичного. Левий Матвей не хочет признать абсолютности, онтологичности зла и это неожиданно сближает его с Иешуа, который проповедовал, что "злых людей нет на свете"²⁹.

Записи Левия Матвея, которые явно ассоциируются с Евангелием от Матфея, уже во второй главе романа объявляются не соответствующими действительности самим Иешуа. На допросе у Пилата Иешуа говорит о Левии: "... ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но однажды я заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил"³⁰. Берлиоз также говорит Бездомному, что "... ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда"³¹. Эти же слова повторяет Воланд в ответ на замечание Берлиоза о том, что его рассказ "совершенно не совпадает с евангельскими рассказами"³².

Таким образом, в романе достоверность Евангелий и, соответственно, записей Левия Матвея отрицается тремя героями, стоящими на самых противоположных точках зрения: самим Иешуа, его антагонистом Воландом и атеистом Берлиозом, причем отрицается на первых же страницах романа. Взамен в романе дается другая версия тех же событий, которая излагается разными лицами. Начинает повествование Воланд, продолжение снится Иванушке Бездомному, окончание Маргарита читает в чудесно восстановленном из пепла романе Мастера. Все части повествования составляют единое целое, таким образом создается ощущение, что существует единственная истинная версия событий, которая представляет из себя, по замечанию Гаспарова, роман-пассион³³.

Евангельское изложение событий не отвергается в романе полностью, целые эпизоды и многие детали остаются почти без изменений. Например, рассказ Иешуа о его встрече с Левием Матвеем практически совпадает с эпизодом призвания Матфея, который есть во всех синоптических Евангелиях /Мф. IX, 9; Мк. II, 13--14; Лк. V, 27--28/. В романе изменилось только место встречи. Иешуа встречается с Левием в Виффагии, а не в Галилее, как в канонических Евангелиях. Виффагия упомянута в романе не случайно. Вскоре после того, как Иешуа рассказывает прокуратору о своей встрече с Матвеем, Пилат спрашивает его: "Кстати, скажи, верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпой черни, кричавшей тебе приветствия как бы некому пророку? -- тут прокуратор указал на свиток пергамента"³⁴. В свитке пергамента, таким образом, описан вход Господен в Ерусалим /Мф. XXI, 1--2; Мк. XI, 1--2; Лк. XIX, 29--44; Ин. XII, 12--19/, и, согласно Евангелиям, в Виффагию Иисус послал своих учеников за ослом. В романе Иешуа отвечает Пилату, что у него нет никакого осла, и что "Пришел я в Ершалаим точно через Сузские ворота, но пепком, в сопровождении одного Левия Матвея, и никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Ершалаиме не

знал"³⁵.

Как видно из приведенного примера, одни части канонического текста как бы принимаются автором, а другие отвергаются, причем некоторые части канонического текста, достоверность которых отрицается в романе, не просто трансформируются или заменяются, а прямо оспариваются. В романе не просто дана, отличная от евангельской, версия входа в Иерусалим, -- наряду с романной версией в тексте присутствует и каноническое изложение событий. Расхождения с евангельским текстом явно подчеркиваются. Такое отношение к Новому Завету некоторыми критиками принимается за попытку дать "исторически достоверное" изложение евангельских событий и "разрушить евангельскую легенду"³⁶.

И.Ф. Бэлза, например, приводит в своей статье записи Левия Матвея, которые читает в романе Понтий Пилат: "Смерти нет... "Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты..." "Мы увидим чистую реку жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл..."³⁷. Бэлза считает, что эти записи в романе соответствуют так называемым логиям -- записям отдельных событий из жизни и поучений Иисуса, сделанных, как полагают исследователи, еще при его жизни, и послуживших основой для составления Евангелий. Далее И.Ф. Бэлза пишет: "И читая эти "логии", авторство которых принадлежит, разумеется, Булгакову, можно понять, насколько он стремился показать неточность и запутанность записей, постепенно складывающихся в евангельский текст"³⁸. Хочется обратить внимание на неточность цитаты в статье Бэлзы; в романе: "Мы увидим чистую реку воды жизни..."³⁹, т.е. в романе почти дословно приводятся слова из Откровения Св. Иоанна Богослова, где говорится: "И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца" /Откр. XXI, 1/, там же: "И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже..." /Откр. XXI, 4/. Авторство этих "логий", таким

образом, принадлежит не совсем Булгакову, записи Левия -- это явная отсылка к Апокалипсису. Во-первых, это напоминание о суде, который ждет Пилата, читающего эти записи, и о его бессмертии. Мысль о бессмертии преследует Пилата с момента вынесения приговора: "Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: "Погиб!", потом: "Погибли!..." И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то должествующим непременно быть -- и с кем?! -- бессмертии, причем бессмертие почему-то вызвало нестерпимую тоску"⁴⁰. Слова "смерти нет" относятся не только к Пилату. Эти слова записаны Левию на Лысой Горе, когда он ждал смерти для своего учителя, как избавления от страданий. В романе приводится три записи Левия Матвея, сделанные во время казни Иешуа: "Бегут минуты, и я, Левий Матвей, нахожусь на Лысой Горе, а смерти все нет!" Далее: "Солнце склоняется, а смерти нет". Теперь Левий безнадежно записал острой палочкой так: "Бог! За что ты гневаешься на него? Пошли ему смерть"⁴¹. Левий Матвей делал эти записи в состоянии отчаяния и безнадежности, но в контексте Апокалипсиса они приобретают совсем другое значение. Здесь речь идет уже о Воскресении. Тема воскресения постоянно варьируется в романе. Как показывает М. Гаспаров, мотив воскресения решается как пародийно /"смерть" Степы Лиходеева /он подумал: "Я умираю..." / и последующее воскресение-вознесение в Ялтуэдем /"красивый город на горах"/, смерть на сцене артиста Саввы Потаповича Куролесова во сне Босого, "жюльническое" воскресение Бегемота и т.п./, так и в "высоком" плане /смерть и воскресение Мастера и Маргариты, бессмертие Пилата, Левия Матвея и Иешуа/⁴².

М. Гаспаров характеризует отношение текста романа к тексту Нового Завета, как отношение "прежде всего полемическое"⁴³. В результате полемики текст Нового Завета постоянно присутствует в романе, читателю все время "напоминают" о нем. Явно и подчеркнуто опровергая евангельские сюжеты, Булгаков через ряд ассоциаций вводит их в глубинную структуру романа

в качестве особо важных, ключевых моментов его смысла. Евангельский текст, "... который открыто на каждом шагу опровергается, через посредство мотивной техники постоянно скрыто присутствует в романе"⁴⁴. В записях Левия Матвея проявляется тема Апокалипсиса, очень важная в романе, а также, связанные с ней мотивы воскресения, искупления и бессмертия.

Отношение образа Левия Матвея в романе к каноническим представлениям об Апостоле и Евангелисте строится по тому же принципу, что и отношение текста романа к каноническому тексту: в романе соответствие Левия этим представлениям подчеркнуто и явно отрицается, но скрыто присутствует в глубинной структуре романа. Левий Матвей является основным носителем христианских мотивов в романе.

Примечания

1. М.А. Булгаков. Романы. Изд-во "Художественная литература". М., 1973, с. 592. Цитаты из романа в дальнейшем приводятся по этому изданию.
2. Там же, с. 743.
3. Там же, с. 775.
4. Там же, с. 722.
5. Там же, с. 733.
6. Там же, с. 439.
7. Там же, с. 745.
8. Там же, с. 776.
9. Г.А. Лесскис. "Мастер и Маргарита" Булгакова. /Манера повествования, жанр, макрокомпозиция/. -- "Известия АН СССР. Серия литературы и языка". 1985, т. 44, № 1, с. 59.
10. М.А. Булгаков. Ук. соч., с. 743.
11. Там же, с. 745.
12. Там же, с. 797.
13. Там же, с. 440.
14. Там же, с. 438, 439.

15. Там же, с. 440.
16. Там же, с. 441.
17. Там же, с. 452.
18. Там же, с. 594.
19. Там же, с. 744.
20. Там же, с. 797.
21. Там же, с. 592.
22. М. Чудакова. Архив Булгакова. -- В кн.: Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина. 1976, т. 37, с. 135.
23. М.А. Булгаков. Ук. соч., с. 776.
24. Там же, с. 774.
25. Там же, с. 776.
26. Там же, с. 461.
27. Там же, с. 702.
28. Там же, с. 461.
29. Там же, с. 444.
30. Там же, с. 439.
31. Там же, с. 459.
32. Там же, с. 459.
33. Б. Гаспаров. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита", --
34. М.А. Булгаков. Ук. соч., с. 443.
35. Там же, с. 443.
36. См.: И.Ф. Бэлза. Генеалогия "Мастера и Маргариты". -- В кн.: Контекст-1978. М., 1978, с. 157, 169; Г. Эльбаум. Анализ иудейских глав "Мастера и Маргариты" М. Булгакова. Изд-во "Ардис", Анн Арбор, 1981, с. 5--6.
37. И.Ф. Бэлза. Ук. соч., с. 159.
38. Там же, с. 159.
39. М.А. Булгаков. Ук. соч., с. 744.
40. Там же, с. 446.
41. Там же, с. 592.
42. Б. Гаспаров. Ук. соч., с. 220.
43. Там же, с. 198.
44. Там же, с. 242.